

София Эренбург (Кравцова)

Холокост

Гетто

Мои воспоминания

2012

Искренне благодарю моего сына Владимира и его жену Аллу
за помощь в выпуске книги.

©София Эренбург, 2012

Все права сохраняются за автором и его наследниками.

Перевод всей книги или части ее, перепечатка, использование
на радио, телевидении, в кино только по их письменному раз-
решению.

Издательство – Студия "Штрих" (Тель-Авив)

Ильинцы

Наш классный руководитель Валентина Кирилловна до Советской власти, при царе, закончила гимназию. Она была превосходным преподавателем русского языка и литературы. После освобождения нашей территории от нацистов, в январе 1944 года, в Ильинецкой средней школе в нашем девятом классе учились только двенадцать человек. Однажды Валентина Кирилловна рассказала о том, что в далекие прежние времена местечко Ильинцы было имением графа Потоцкого и что его жена – красавица была еврейка. Во время погромов, которые были во все времена, граф спас много евреев. На окраине Ильинец, после Второй мировой войны, еще сохранилось польское кладбище с памятниками из черного мрамора. Один выделялся особо: девушка-красавица, по преданию – княгиня, погибла от укуса змеи. В те времена там был лес. Сохранился склеп, в котором поляки хоронили своих достойных людей. Исторически известно, что после изгнания евреев со своей исторической родины, король Польши в XIV – XV веках (а Польша была в то время экономически отсталым государством), предоставил возможность проживания еврейскому населению. Благодаря еврейским труженикам экономика Польши

расцвела, государство стало богатым, расширило свои границы. Во время очередных войн евреи оказались в России вместе с отвоеванной бывшей польской территорией. Жизнь евреев в России, впоследствии, была тяжелой. Существует легенда, что кто-то из близких царской семьи вышла замуж за еврея и приняла иудейскую веру и, возможно поэтому, со времен Ивана Грозного была столь велика ненависть к евреям. В России была христианская вера. Уже в подростковом возрасте меня удивлял вопрос, почему еврейские дома располагались только в одной половине Ильинец. Потом это оказалось готовым гетто для евреев при оккупации нацистами.

Въезд в Ильинцы начинался с деревянного моста с небольшим водопадом реки Соб, впадающей в большую реку Буг, там находился областной центр, город Винница. С древних времен в Ильинцах была средняя русско-украинская школа, еврейская школа, агрономический техникум.

Синагогу и еврейскую школу в 1937 году запретили, как и еврейскую речь.

Со времен графа Потоцкого сохранился у реки мукомольный завод, затем рядом сахарный завод. Через дорогу на горе - высокий костел (католическая церковь), который по указанию первого секретаря райкома партии, после Второй

мировой войны, снесли и на этом месте построили государственную парикмахерскую. В Ильинецком парке стояла церковь. В центре Ильинец был клуб. Был еще молочный завод, где готовилось мороженое, рецепт которого хранился с древних времен. Мороженое было очень вкусным, что всегда отмечалось приезжими людьми.

Река Соб называлась так потому, что там когда-то были болота, и крестьяне, проезжая, погоняли коней этим словом. Так оно и осталось. Очень красивая река, на которой летом цвели прекрасные бело-розовые лотосы (а это значит, что в далекой древности там были тропики), по берегам - густые цветущие кусты. На берегу, у моста - огромные камни, песок. В конце недели еврейские женщины там стирали, чистили до блеска самовары и медные тазы, в которых варили варенье. Местечко было еврейским, где много трудились ремесленники, где каждый старался проявлять свое творчество.

Дома во второй половине Ильинец были, в основном, прямоугольной формы, по 6 квартир с выходом на улицу для каждой семьи. Расстояние между домами такое, что проехать на велосипеде нельзя было и называлось это на идиш "сыткыс", созвучно с "сити". Во время оккупации Ильинец фашистами (нацистами) лучшего гетто для облав во время акций и

преследований не придумать. В Ильинцах расстрелами больше занимались эсэсовцы, но после очередных акций, кто-то один из семьи, оставшийся в живых, должен был отмечаться в жандармерии. За этим строго следили фашисты и полицаи. Кто не выполнял, расстреливали или жестоко избивали.

Первое знакомство

На третий - четвертый день фашистской оккупации, утром, к нам в квартиру ворвалась шумная толпа с криками: “Мое!”. Местные жители в сопровождении нациста взорвали двери шкафа и грабили все подряд. Когда все дошло до драки, нацист лет тридцати, высокий, широкоплечий блондин, выстрелил из автомата в потолок и грабители с нашими вещами сразу исчезли. Мы, все шестеро, молча стояли у стены: отец, мама, четырехлетняя сестра, брат двенадцати лет, брат девяти лет и я четырнадцати лет. Отец говорил по-немецки, но тоже молчал. Нацист оглядел нас широкой улыбкой. В правой его руке был автомат, в левой - железная трость. Он подошел к серванту и тростью стал медленно сдвигать чайную посуду на пол, пока она вся не разбилась. Открыл весь сервант. Внимательно посмотрел на картину на стене. Она была размером 70см X 50см, с автографом в нижнем правом углу. Автора не помню. На картине была изображена высокая гора, на вершине стоял прекрасный замок, утопающий в лесу. У подножья горы тихое море. Краски были подобраны так, что все казалось живым и, глядя на картину, всегда успокаивался. Я очень ее любила. Нацист в грязных сапогах вскочил на чистую убраную

постель. Снял картину и положил на кровать. Вновь посмотрел на сервант и увидел на верхней полке шкатулку, забрал. В ней были семейные украшения: золотая брошь из очень тонкой паутины, в центре которой - маленький паучок с рубиновыми глазками. Тонкая короткая нить жемчуга. Золотые серьги с прозрачными камнями в виде слез. Два обручальных кольца. Нацист соскочил с кровати. Из ящика выбрал шесть серебряных ложек и шесть серебряных вилок. Остальные были простые, не взял. Забрал все вместе с картиной и, широко улыбаясь, молча ушел. Мы стояли в состоянии стресса, а мама сказала: “Дети мои, но мы живы”. Отец пришел в себя чуть позже. В прошлом он был ветераном Первой мировой войны. Четыре года он был в плену в Венгрии, в городе Будапеште. Работал на фабрике по изготовлению одежды и, вместе с пленными других национальностей, учился высокому мастерству портного. Все пленные, в том числе немцы, относились друг к другу очень уважительно и считали всех достойными людьми. За четыре года работы он стал говорить на венгерском, чешском и немецком языках. Кроме того, говорил на украинском и русском языках. Говорил, писал и читал на идиш. Когда в 1918 году вышел указ Ленина - российским пленным вернуться в Россию, - отец вернулся в свои Ильинцы, после чего выезд за

границу был запрещен. Отец женился на моей маме - красавице и так появилась наша семья.

Страшнее злобных зверей

На следующий день, после ограбления, утром, я посмотрела в окно. Наш дом стоял в первом ряду. Напротив, через две узкие дороги с маленькой поляной, на горе, возвышался костел, мимо которого проходил дядя Нухим, высокий, широкоплечий наш сосед. Тети Эйди племянник. Она была вдовой с тремя сыновьями. Старший, Леня Полонский, в 1940 году закончил Ильинецкую среднюю школу и уже год учился в Одесском высшем учебном заведении. Тетя Эйдя очень им гордилась. Младшие – мои ровесники. Вся семья дяди Нухима была большой и дружной. Жили в соседнем доме. Вдруг из-за костела вышли человек шесть нацистов и окружили дядю Нухима. Раздался громкий хохот. Один из нацистов ударил кулаком дядю Нухима, но он устоял. Затем один из них повернулся спиной к нашему дому, спустил брюки и присел. Остальные продолжали дико хохотать. Затем нацист поднялся, подтянул брюки, и все стали избивать Нухима, указывая на то место. Когда Нухим упал, нацисты избивали его ногами, раздался выстрел.

Когда я очнулась, надо мной на коленях стояли родители, и я им все рассказала. Отец посмотрел в окно, но там уже

никого не было. Отец пошел к тете Эйде, рассказал ей все. Ее мальчик Арик был озорным и помчался посмотреть. Он быстро вернулся и сказал, что там, на тротуаре у костела, много крови и дерьмо. Больше никого нет. Во время акций погибла тетя Эйда с мальчиками и вся большая семья их родственников. Леня Полонский закончил первый курс института и сразу был мобилизован, когда началась война. В 1944 году он приехал в Ильинцы на несколько дней в звании капитана, встретил свою любимую девушку, ее звали Зиной. Спасли ее партизаны. Они женились. Жили долгие годы в городе Киеве, закончили учебные заведения, родили двух сыновей. На земле остались потомки тети Эйди. Это от Б-га.

После ужаса над дядей Нухимом наш отец позвал нас четверых и сказал: “ Дети мои, хотя-бы кто-то один из нас должен остаться в живых, надо убегать по одному, не раздумывая. Если кто-то приютит - больше двух-трех дней не оставаться, иначе ту семью расстреляют. Домой возвращаться. Если я останусь в живых, отмечу вас в жандармерии”. После этого родители оставили меня как старшую с детьми, а сами пошли в полуподвал, над которым была наша квартира. Он был куплен вместе с квартирой в 1937 году. Это было наше подсобное помещение. Там хранились наши дрова и др. Когда я

спустилась посмотреть, там до потолка были уложены дрова в два ряда. Под моей кроватью был спуск в подвал, крышка его покрашена по цвету пола, одной и той же краской. Если смотреть со стороны - совсем незаметно. Родители к входу поставили переносную лестницу, и внизу получилось закрытое помещение. С одной стороны - дрова, а с трех сторон – стены. Окон не было. Там родители навели относительный порядок, снесли, что можно было и небольшой запас сухих продуктов, воду. Несколько раз мы там спасались. Получилось так называемое хранилище. К нашему большому горю, оно не всех спасло.

“ Кто спасет одного, спасет весь мир” – так звучит лозунг в Яд Вашеме в Иерусалиме

Между массовыми расстрелами (акциями), которые чередовали, нацисты гнали нас еще на тяжелые уборочные работы. Дверь днем у нас всегда была приоткрыта, чтобы слышно было, что творится на улице. Забежал к нам нацист и велел взять ведро и лопату. Мама успела мне смазать лицо сажей, объяснила, чтобы не видна была моя кожа. Мне было четырнадцать лет. Когда я вышла, у нашего дома стояли человек шесть нацистов и группа девушек старше меня. Я их не знала. Они тоже с лопатами и ведрами. Все нацисты с автоматами, шли молча. Тот, который шел за мной, толкал меня в спину автоматом. Мне показалось, что кто-то из них сделал ему замечание, но он продолжал толкать, мне было больно и по моему лицу текли слезы. Я молчала. Поле, к которому мы подошли, было размежовано кустами. Мы остановились у одной межи, они все ушли в другую сторону. Он громко велел копать и показал место, куда высыпать картофель из ведра, что я и сделала. Прошло с полчаса, и раздались нечеловеческие крики. Мне стало страшно. Остановилась, посмотрела на нациста. Он отвернулся и закурил. Я подумала - пусть стреляет в спину. Со-

рвалась с места и побежала к кустам. Когда я скрылась в кустах, услышала очередь выстрелов из автомата. Долго я бежала. Когда уже сил не было, я остановилась и подумав, поняла, что немец стрелял вверх. Это означало, что он меня спас. Я подумала: “Если я выживу - кем я буду, чтобы возвращать людей к жизни? И решила, что буду врачом “.

Клятву свою выполнила. Думаю, что те, у кого не поднялась рука убить ребенка, строили демократическую Германию. Теперь там тоже живут евреи.

Это были нелюди, изверги

В моей, в прошлом большой еврейской родне, запрещены были родственные браки. За этим строго следили наши старейшины. Будучи впоследствии врачом, я узнала, что в таких случаях суммируются чаще патологические гены. Теперь я думаю, поэтому среди нас было много красивых людей, многодетных и здоровых.

Моя сестра Соня жила с мужем и двумя детьми в Одессе. Он заведовал поликлиникой. Перед самой Второй мировой войной она приезжала в гости к родителям. Одной девочке было пять лет, другой три годика. Мужа в первые дни мобилизовали на войну. Мою сестру предали, когда начались акции. Ее с девочками нацисты и полицаи вели на расстрел. Увидел священник. Он побежал следом с поднятыми кверху руками и кричал: “Красоту нельзя убивать, это великий грех!”. Нацисты с полицаями остановились, подождали и, когда священник их догнал, сразу расстреляли сестру с детьми и священника тоже. Когда муж моей сестры вернулся с войны, он узнал, что его семью во время оккупации казнили нацисты.

Пусть будет земля ей пухом

Мы заподозрили, что будет очередная акция, и я сбежала до села Неменка. Это не так далеко от Ильинец. Почему-то я миновала первую крайнюю хату. Не знаю почему. Б-г помог. Дошла до второй хаты. Дверь была открыта и хозяйка, глядя на меня, сказала: “Что ж мне делать с тобой?” Схватила меня за руку, и мы побежали за ее хату, за которой, в тридцати сантиметрах от стены, стояла высокая копна коровьего удобрения для огорода. Я была худенькой, и она с трудом затолкнула меня в нишу копны. По-видимому, до меня здесь уже кто-то был. Велела прикрыть вход сухим удобрением, но оставить маленькое пространство, чтобы не задохнуться.

Мне было только четырнадцать лет. Было страшно. Трудно дышать. Прошло мало времени, и я услышала ужасные крики разных голосов, затем крики стали громче, и я поняла, что это уже с улицы, а через короткое время раздались выстрелы. Когда наступила темнота, хозяйка подошла и подала мне кружку молочного киселя, затем сказала, что в одном ряду с удобрением находится коровник с коровой, свинарник с двумя свиньями и курятник, и книзу ее огород. Нацисты часто забирали, что им надо было, но не все. Потом она мне сказала, что

видела в окно несколько еле живых девушек в сопровождении нацистов, и когда они ушли дальше, слышала выстрелы. Через час она вышла за изгородь, на улице никого не было, и она пошла за киселем, который мне принесла, чтобы никто не увидел. Через два дня хозяйка меня позвала. Акция в Ильинцах закончилась. Когда я зашла в хату, она сказала: “Дытына моя (дитя мое), у меня открытая форма туберкулеза, и я не хочу брать на себя грех заразить тебя. С моими детьми - как Б-г даст. Их у меня четверо. Муж на войне. Она дала мне несколько картошек, и я их принесла домой в Ильинцы, куда мы все вернулись. Отец на следующее утро отметил нас в жандармерии. Когда нашу территорию освободили партизаны совместно с Красной армией, я через какое то время пошла в Неменку и узнала, что женщина, которая меня спасла, вскоре после освобождения Неменки умерла от туберкулеза, детей забрали близкие родственники. Муж вернулся с войны из Красной Армии. Значит, у детей жив отец. Вспоминая тот случай, у меня и сейчас сжимается сердце. Б-г помог мне в том ужасе встретить святого человека.

Трагедия за трагедией

Под одной крышей, но в рядом расположенной квартире, жили сапожник с женой. Он шил модельную обувь. Им было около сорока лет, но не было детей. Надо ведь такому счастью случиться, чтобы через несколько дней после оккупации Ильинец фашистами у них родился замечательный мальчик. Мои родители, по секрету, сказали им и показали наше “убежище”, если у них другого выхода не будет. Там можно было даже что-то поесть. Они обещали никому не говорить. Когда началась очередная облава, мы успели сбежать, а они спустились с дитем в наше подполье. Это нелегко. Во время акции было жуткое зрелище. За евреями нацисты и полицаи гонялись, как ужасные охотники за дичью, возможно, пьяные. Во время погони они слышали плач ребенка, но в нашей квартире никого не нашли. Когда крики людей стихли, соседи выбрались в “сыткыс”, где их поджидали нацисты и полицаи, и три человека местных жителей. На руках у мамы уже утихим лежал ребенок, рядом стоял муж. Их всех расстреляли. Местных жителей нацисты позвали, чтобы показать - если они спрячут еврея, с их семьями так же поступят.

Как сквозь землю провалилась!

В другой раз побега из Ильинец, в Неменке я оказалась с другого конца села. Я вошла, и мне хозяйка сказала, что это хата старосты села, и звать его Оксень. Можно себе представить мое состояние, вроде попала в клетку к живому тигру, на съедение. Это была кухня. Окно на улицу. В кухню с улицы через сени. Из кухни - дверь в комнату ("салон"), одно окно на огород.

Мы обе опешили. Это была жена старосты. Она окинула меня внимательным взглядом и велела сесть за стол. Достала две картошки "в мундирах" и кусочек курицы. Это было как во сне. Я подумала, что же меня ждет на этот раз? Я проглотила еду и она сказала зайти в "светелку". Я зашла, села на табуретку, не знаю, как быть дальше. Заглянула в дверь, а там те же сени, через которые я вошла в кухню. Минут через двадцать я услышала отборную русскую брань (она на всех языках одинакова) и громкую немецкую речь. Когда они ворвались на кухню, я успела после них выскочить во двор и побежала вдоль огорода. Кто-то из них увидел меня в окно и все побежали за мной следом. На моем пути стоял коровник, и я туда заскочила. Дверь грубая нависает над землей, с обратной сто-

роны две толстые перекладины. Дверь я открыла, руками уцепилась за верхнюю перекладину и уперлась ногами на нижнюю перекладину. За поилом стояла корова. Когда они меня догнали и заглянули в коровник, никого, кроме замычавшей коровы, не увидели. Полицаи заорали: “Как сквозь землю провалилась!”

Когда все стихло, я спустилась. Болели руки и ноги. Я сидела до сумерек. Дверь прикрыла. Когда хозяйка пришла доить корову и увидела меня - не я, а она была в состоянии стресса. Взяла меня с собой в свою хату. Это оказалась сестра старосты. У нее было трое малолетних детей и муж на войне в Красной Армии. Летчик. Я поела немного. Она уложила меня спать на печку и сказала, что больше двух дней не может меня прятать. Это был установленный моим отцом срок, когда я должна вернуться домой в Ильинцы.

Так я вновь выжила.

Летчик тоже выжил, вернулся инвалидом без одной ноги. Дважды, на костылях, он приходил к нам в Ильинцы после войны. Во второй раз он приоткрыл дверь, попросил разрешения войти и сел на стул. Из другой комнаты вышел отец и спросил, надо ли что сшить. Бесплатно. Летчик с чувством собственного достоинства посмотрел на меня и сказал: “Нет,

не надо мне шить. Я пришел посмотреть на Соню и хочу ее запомнить”. Думаю, жена ему обо мне рассказала. Я уже к тому времени вернулась закончить Ильинецкую среднюю школу. Передо мной лежала тетрадь, и я не знала, с чего начать сочинение на свободную тему на завтра. Это был девятый класс.

Красный флаг

В сентябре месяце 1942 года к нам зашли трое нацистов. Каким-то образом они узнали, что мой отец профессиональный портной. Сказали, что они по национальности - венгр, чех и словак. Они поочередно заговорили на своих языках, и отец им свободно отвечал. Я спросила, почему они рассмеялись, и отец ответил, что рассказал им анекдот. Я уже писала о том, что отец в Первую мировую войну оказался в плену в Будапеште. Он многое рассказывал, но у меня вызывало удивление, что уже в 1914 году там было обязательное среднее образование, а у нас, в России, - ликбез, ликвидация безграмотности. В Будапеште были пленные разных национальностей, и каждый, по своим возможностям, познавал другие языки. Были и немцы. Эти трое, вроде бы, хотели поучиться у отца работать не по лекалу, а математически вычислять крой для каждого человека в отдельности, в зависимости от его физических особенностей.

Появился интерес. Один раз в неделю они приходили к отцу, он с ними работал, а затем уходили, возвращались мимо костела (напротив нашего дома) и, если я смотрела в окно, махали мне рукой. Это продолжалось месяца два.

Нацисты нередко приурочивали акции к разным праздникам. Однажды утром, накануне седьмого ноября (день Октябрьской революции), над домом жандармерии появился красный флаг, который вскоре исчез. В этот день в Ильинцах как-будто все замерло. Отец, как обычно, ушел на работу в жандармерию. Мама молчала. На следующий день отец, уходя в жандармерию, наказал мне не смотреть в окно. Венгр, чех и словак куда-то исчезли и больше я их не видела.

Начались акции, и мы опять убегали. Колючей проволоки у нас не было. На этот раз мы убегали втроем - мама, сестра Лида и я. Мама тогда простыла. Добежали мы до оврага, где были раскопки белой и красной глины. Это место оберегалось крестьянами. Глину копали для ремонта хат к праздникам. Овраг был тогда в снегу. Мы были одеты в старых пальто и плохой обуви. Мама сказала засунуть ноги в обуви в снег. Лиду посадили между нами, чтобы ее согреть. За нашими спинами - заснеженная гора, и ветер оттуда не дул. Когда полностью стемнело, мы услышали лай. Мама сказала, что это волки. Если нацисты не расстреляют – волки сожрут. Лида тихонько заплакала, захотела есть. Мама скатала ей снежный шарик, сказала съесть и думать, что это хлебушек. Есть после этого ей не хотелось. Мама читала молитву на идиш. Встала, обвязала се-

бя платком, дала один конец Лиде. Показала как держать, проверила и сказала, что полезет на гору первая. Я должна стараться лезть по маминому следу, а Лида ножками упираться в мои плечи. Может получится подняться. Мы доползли и мама сказала: “Есть Б-г”. Когда мы в темноте осмотрелись, увидели недалеко одну только хату. Прихрамывая, пошли, постучали в окно. Нам открыла женщина. Это был хутор на окраине Неменки. Жила здесь женщина с сыном. Он закончил Ильинецкую среднюю школу, и его прятала мама от нацистов, чтобы не угнали в Германию. Мужа ее раскулачила Советская власть и сослала в Сибирь, откуда он не вернулся. Женщина настороженно впустила нас в хату, вскипятила чай с мятой, положила немного остывшей картошки в “мундирах” и уложила нас на большую, еще теплую печь. Когда стало светать, она нас позвала, посмотрела и сказала, что маму с сестрой (ей было только пять лет) оставит на несколько дней у себя, а мне надо уйти. У мамы появились слезы, а я попросила не плакать: “Может, Б-г поможет”.

Когда от нацистов освободилась наша территория, а шла еще война, сына хозяйки мобилизовали в Красную армию. Он остался живым и потом работал в Ильинецком собесе.

Тетя Мария

Я ушла и, все-таки, добралась до какой-то хаты. Дверь открыла женщина, хозяйка. Вид у меня, по-видимому, был очень жалкий. Она сразу впустила меня, заварила чай с сушеной малиной, что-то положила на стол. Я сняла пальто и она помогла мне залезть на теплую печь. Это был рай! Я согрелась и уснула. Утром тетя Мария меня разбудила. Позвала свою дочь Антонину, мою ровесницу и велела найти что-то из своей украинской праздничной одежды. Нагрели воду, я вымыла голову в тазу и в той же воде сама вымылась. Тетя Мария сказала мне замочить, постирать свою одежду и положить на печь сушить. Я все сделала. Затем позавтракали, и тетя Мария сказала Антонине, что с вечера начинается Рождество, и мы с ней пойдем в церковь на праздничную вечерю. Я была чистая, нарядная. Когда мы вошли в церковь, по мне прошел страх. Многие на нас оглянулись. Долгим взглядом на меня посмотрел священник. Мы с Антониной зажгли и поставили по свечке, и стали в углу у двери. Священник начал праздничную молитву. Меня никто не предал. Мы ушли первыми. Я тогда, будучи подростком, поняла, что все истинные религии учат добру и миру. Через три дня мы вернулись домой в Ильинцы. Трудно передать

выражение лица моего отца. На следующий день он опять отметил нас в жандармерии.

О зиме

В начале 1942 года на Украине морозы доходили до -30° - 40° . Так редко бывало. Большие снегопады до полутора метров высоты. Меня вместе с другими евреями (в перерывах между акциями) нацисты и полицаи с автоматами сопровождали разгребать снежные сугробы для проезда разного транспорта. Шла небывалая за все века ужасная война. Мы были плохо одеты и у меня очень мерзли ноги. Иногда дойти после работы домой мне помогала девушка, Соня, значительно старше меня. Ее родители были расстреляны, а ей удавалось до акций убежать. Мама давала ей что-то поесть, после чего показала ей наше полуподвальное хранилище и сказала: “Только на крайний случай”.

Староста

1943 год. Кое-где появились листовки. Если кто из местных жителей срывал - их расстреливали, но уже знали, что Красная армия наступает на врагов. Массовых акций уже не было, почти все евреи были расстреляны и некоторые из тех, кто работал в жандармерии. Нацисты и полицаи еще более свирепствовали. Моего отца, как профессионала, знали во многих окружающих Ильинцы селах, и, пока мы были живы, кое-кто приходил шить одежду. После акции отец вернулся с работы из жандармерии, а к нам пришел, как оказалось, староста села Неменки. Он сказал: “Пока ты, Кравцов, жив, сшей одежду моей семье”. По ночам, закрыв окна тряпками, мы с братом Аврамом отцу помогали. За сшитое пальто могли принести килограмма два картофеля. Это было богатством. Староста предложил отцу уехать в Неменку.

- А семья? - спросил отец.

- Семья и швейная машина тоже.

Отец на следующий день решил ответить. Он рискнул подойти к главному жандарму по фамилии Коргин и, владея свободно немецким языком, сказал, что приходить на работу будет из Неменки. К большому удивлению отца, Коргин разре-

шил. К вечеру того же дня староста приехал к нам на подводе и забрал нас всех шестерых вместе с машиной Зингер. Отца, брата Аврама и меня он оставил у себя. Хата оказалась та, из которой я уже однажды убегала от нацистов и полицаев. Хозяйка меня встретила, как незнакомку. У них было трое детей, и они ждали четвертого. Маму и сестру Лиду староста увез к сестре злобного полицака Ивана Шевчука. Он в прошлом был раскулачен и судим. Мария, так звали сестру, жила в хате в дальнем конце села. С дочерью на выданье замуж. Брата Якова, который был светлым, голубоглазым, как я в ранем детстве, отвез к двум пожилым бездетным людям. Мы все в семье очень любили Яшу и всегда кусочек своей еды отдавали ему.

Несколько дней по утрам отец продолжал уходить в жандармерию на работу. Как-то к нему подошел полицака. На работе. Сказал, что все равно его расстреляет. Отец решился сказать об этом Коргину.

Однажды отец шел с работы в Неменку через Голики, так называлась улица, где была наша средняя школа, в которой учились дети из Ильинец и близко расположенных сел. Он оглянулся и увидел преследовавшего его полицака с автоматом. В этот момент из-за ограды на дорогу выскочил человек и закричал: “Стой! Стреляй в меня! Тебя и твоих потомков проклянет

Б-г!” Полицай остановился, а затем пошел обратно. Отец все же продолжал ходить на работу в жандармерию. Прошло несколько дней. Как-то отец оказался один в мастерской, когда туда зашел Коргин, поставил сапоги и сказал: “Теперь он тебя не убьет”.

Трудно себе представить состояние отца, когда он все рассказал маме.

Мама с сестрой Лидой жили у Марии в помещении, где хранилось сено, основной корм для коровы в зимнее время. При нацизме в Неменке у всех жителей было свое хозяйство, огороды. Трудились сами. Не воровали, закрывать на замки не было смысла, потому что нацисты все замки срывали и всех расстреливали. Нацисты приезжали, забирали, что надо и уезжали.

В сравнении с другими селами, из Неменки в Германию на работу было послано мало людей.

Было в селе три полицая. Бывшие раскулаченные. Самые жестокие из них: Шевчук Иван, затем Мочульский и Ревацкий. Было страшно, но отец сказал, что надо держаться. Прошло несколько дней, и мама почему-то сказала Марии: ”Подумать только, из одного дерева крест и лопата!” Это означало - святое и дерьмо. Мария зачем-то сказала Ивану, брату полицая, и

он ночью вместе с отцом пришли. Иван был с автоматом и со злом крикнул: "Рахиль, пошли, расстреляю!" Лида спала. Они шли в Ильинцы и, когда остановились, мама сказала: "У меня есть отрез, я берегла для Сони, когда вырастет. Отдам тебе. Исаак сошьет тебе пальто. Отпусти нас, убить ты всегда успеешь". Иван автоматом больно толкнул маму, мама упала, а когда поднялась, с трудом вернулась к Марии. Мама отдала ему сверток, и Иван, полицей, сказал: "Исаак пальто сошьет, а Соня останется у меня в хате заложницей".

Когда отец, вместе с братом Аврамом и мною, сшили все старосте и его семье, Иван нас троих забрал к себе. У Ивана была добротная хата под металлической крышей, а не под соломой, как у многих в селе. Большая комната, кухня, сени. В кухне большая русская печь для приготовления пищи и для отдыха, согрева. Детей у них не было.

Утром отцу надо было идти в Ильинцы в жандармерию. Пришел староста и рассказал, что в Ильинцах нацисты и полицей выследили одну красивую еврейскую девушку. Они ее догнали, а она вбежала в нашу квартиру, но найти ее не смогли. Это была Соня. Она успела спуститься в наше убежище под полом. Нацисты подожгли наш дом. Тогда они услышали крик "Родина, Родина! " Останется вечной тайной, что она

имела в виду. На крыше стояла красавица Соня, которая сгорела вместе с домом.

Местные жители были свидетелями. Это был наш дом. Он первым сгорел в этом гетто в Ильинцах. У нас уже не было своего дома, крыши над головой с убежищем в нашем подпольном помещении, в котором мы неоднократно скрывались во время акций и преследований нацистов и полицаев.

В жандармерию на работу в Ильинцы отец больше не пошел.

Когда нашу территорию освободили от нацистов, ни одного еврейского дома не осталось. Был пустырь. Пустое место.

У полицая

Шевчук приказал только отцу и брату шить, а мне заниматься хозяйством, огородом. Жену звали Ганной и она дополнила, чтобы я еще доила корову. Обед Ганна варила сама. Мне было шестнадцать лет. Ганна показала мне, как доить корову, а на следующий день пошла со мной проверить. У меня получилось. С неделю болели руки, а потом перестали. Окрепели. Я вскопала огород, посадила картошку и другие овощи и на небольшом участке вместе с хозяйкой посеяли овес. Она показала, как это рукой равномерно делать. После этого Ганна надумала отгородить стеной кухню от комнаты. Понадобились кирпичи, и она велела их готовить. Для раствора необходимы были глина, песок, конское удобрение и вода и все это надо было месить ногами. Ноги мои болели, они часто зимой замерзали, когда нас, евреев, нацисты и полицаи гнали на разгребание снежных сугробов. Ганна принесла деревянную форму, из которой надо было раскладывать кирпичи для последующей сушки под навесом, чтобы их дождем не смыло. Я месила, ноги очень болели, а затем, со временем, перестали. Мои мышцы окрепли. Когда отец с моим братом закончили шить у Шевчука-полицая, он перевез их вместе со швейной машиной

к своей сестре Марии шить. Мама с моей шестилетней сестрой Лидой находились в помещении, в котором хранилось сено.

Брат Яша продолжал находиться у тех же пожилых бездетных, старых людей. Однажды, среди ночи, к ним постучались, назвали партизанами, и они в страхе открыли дверь. По ночам нередко приходили нацисты с полицаями и забирали все, что им нужно было. Уезжали. Когда хозяева впустили так называемых “партизан”, она крикнула: “Яша, слезай!”

- Так у вас еще Яша есть? - Бабушка закричала, что он не еврей, но они избили его до полусмерти и эти пожилые люди моего брата с трудом выходили. Они после освобождения территории от нацистов недолго жили.

Я осталась у Шевчука-полицая, одна. Через несколько дней Ганна, уходя, велела замкнуть изнутри дверь, и я залезла на печь. В дверь через час сильно постучали. Мужской голос назвал мое имя. Я по голосу узнала полицая Мочульского. Он иногда приходил к Шевчуку. Он угрожал сорвать дверь, но я не отзывалась, и он ушел. Когда Ганна вернулась, я ей ничего не сказала, потому что она меня ни о чем не спросила. Продолжала свою работу. Прошло еще несколько дней и полицай пришел вечером пьяный и Ганне рассказал, что еще обнаружили и застрелили евреев. На следующий день он вновь при-

шел пьяный, а ночью ко мне к печи подошла Ганна, тихо разбудила и сказала, что Иван заберет меня в Ильинцы, но сначала меня, чистую, изнасилует. Меня охватил ужас. Мы тихо вышли из хаты, подошли к забору, и Ганна показала, в какую хату бежать. Я сразу помчалась. В хату не стучалась. Забежала в коровник. Корова как-то как застонала, а не замычала. Я подошла к ней, погладила и увидела, что она телится. Из угла быстро принесла сена, постелила и стала поддерживать рождающегося теленка. Я отошла, а корова сразу стала его обли- зывать.

Вскоре зашла хозяйка. Она испугалась, увидев меня, Я ей все рассказала, и она разрешила остаться, только подняться на горку сена. Утром хозяйка пришла подоить корову. Вскипятила молоко, которое несколько дней называется молозивом. После кипячения образуется сразу масса в виде творога. Совсем другого вкуса. Это деликатес. По качеству - человека с того света возвращает. Когда я кусочек съела, как-то очень легко стало и никакого голода. Было очень вкусно. У меня прошел страх. Вечером она позвала меня в хату, сказала залезть на печь. Утром дала мне поесть. Это оказалась дорогой мне человек с большой буквы, тетя Мария Целомудрая. Это она меня с

Антониной, своей дочерью, отправила на рождественскую вечерю в церковь.

Часам к десяти мы слышали русскую брань и громкую немецкую речь. Хозяева вышли во двор встретить, и полицейский спросил, есть ли самогон.

“Есть” - ответил хозяин Роман Иванович Целомудрый, попросил подождать, вынесет. Нацист сказал войти. Полицейский чужой, все выискивал, заглянул на печь, а там я. “А это кто?” - спросил он. Тетя Мария растерялась, назвала меня. Полицейский крикнул: “Слезать!”

В это время хозяин успел выпить и угостить самогомом нациста, который посмотрел на меня и под автоматом вывел меня к забору. Хозяйка поила полицейского самогомом. Когда хозяин решил заглянуть в хату, полицейский был пьян. Нацист навел на меня автомат и махнул мне рукой. Я поняла – убегать! Помчалась вдоль огорода по кустам и вновь в своей жизни услышала серию выстрелов из автомата, повидимому, вверх. Потом ни этого нациста, ни полицейского Целомудрые не встречали.

С Целомудрыми и их потомками, где бы мы, впоследствии, не жили, до сих пор остаемся большими друзьями. Их дети, Слободяники Елена и Леонид, ухаживают за памятниками на-

шим родителям, которые похоронены в Ильинцах на еврейском кладбище. Отец в 1968г., мама в 1970 г. умерли.

Безвыходное положение

Так получилось, что наша семья случайно оказалась в хлеву (подсобном помещении) сестры полицая Шевчука Ивана, и отец сказал, что необходимо срочно оттуда убегать.

Как известно, при Советской власти были организованы колхозы, в которых работало все сельское население – колхозники. В колхозах находились помещения, хранилища зерновых семян для будущих урожаев. В Неменке тоже. Отвечал за хранилище крестьянин по имени Наум. Его, при оккупации нацистами территории, оставили на своей работе. Это было недалеко от хаты старосты Оксеня. Ночью отец решил пойти к Науму, и он согласился спрятать нас в хранилище. Риск был большим. Нас было шесть человек семьи.

В помещении были горы разного зерна, разделенного по сортам. Мы подошли к семенам овсянки. Все находилось на деревянном полу, на расстоянии около тридцати пяти сантиметров от земли - для проветривания зерна. Был спуск со стороны овсянки в это пространство под полом. Там можно было только лежать. Мы согласились.

Крестьяне зимой тоже не отдыхают. В их обязанность входило два раза в неделю перебирать зерно и содержать его в

качественном состоянии для предстоящих посевов на полях. Крестьяне работали приблизительно до 12 часов дня, и, когда все стихало, мы выползали из-под пола и заползали на овсянку. Ночью Наум нам приносил что-то поесть. Нам много не надо было. Приносил ведро воды. Под полом, когда мы лежали, мышей не было. Были крысы, но они нас не трогали и пробегали мимо. Им, возможно, хватало зерна для еды. Было страшно, но мы вслух не говорили.

Так длилось более двух месяцев. Нас спасли партизаны. Это был еврейский партизанский действующий отряд. Командир отряда - Давид Мудрик. Еврей. Находился в лесу и другой отряд. Он организовался раньше, но евреев туда не принимали, и командиром был дан приказ Давиду Мудрику организовать еврейский отряд отдельно. Достать свое оружие, свое хозяйство и самостоятельно бороться с нацистами. Что и выполнялось. Под командованием Давида Мудрика это был не только боевой отряд, но он также задался целью и спас более двухсот еврейских детей разного возраста. В моем понимании, Давид Мудрик был героем. Очень мужественный и очень добрый человек. В январе месяце 1944 года оба отряда совместно с частями Красной армии освободили нашу территорию и, в том числе, Ильинцы от нацизма.

Когда в Ильинцах был судебный процесс над полицаями, мой отец был среди основных свидетелей. Он многое знал. Были разные сроки лишения свободы. Старосте Оксеню - десять лет, но в Сибирь не отправляли. Полицаи Шевчук и Мочульский исчезли, неизвестно куда. Полицая Ревацкому тоже дали 10 лет лишения свободы. Через 10 лет Оксень вернулся и работал в колхозе. К нему относились уважительно. К Ревацкому два сына относились ужасно. Они его часто сильно избивали. Они учились хорошо, но из-за отца-полицая их ни в одно учебное заведение не принимали. Все село Неменки организовало собрание и поставило условие: если не прекратится избивание отца - они подадут коллективную жалобу с просьбой судить сыновей. Избивание прекратилось.

Послесловие

После небывалого за все века ужаса нацизма во время Второй мировой войны, несмотря на голод, холод, после войны мы продолжали учиться, работать - не только для себя, но и в память тех, кого нет с нами, над кем издевались и расстреливали нацисты, кто не дожил до Дня Победы.

Мой муж, Наум Меерович Эренбург, участник Второй мировой войны от Сталинграда до Польши. Кадровый военный топограф, подполковник. По приказу Сталина, в конце войны, небольшая часть оставшихся в живых топографов была послана на северо-восточную часть Ледовитого океана, в поселок Певек (сейчас это город). Там была местная ставка. В тяжелых условиях топографы создавали новые географические карты того времени.

Мой отец, Исаак Давидович Кравцов и мой брат, Аврам, работали в Ильинцах в ателье после войны. Они, как мастера - портные, шили людям такую одежду, которая доставляла им радость.

Моя сестра, Лидия, закончила Кемеровский педагогический институт. Работала учителем, а затем журналистом. С 1992 года с семьей дочери живет в Израиле.

Мой брат, Яков, закончил Казанский авиационный институт. Он доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, заслуженный энергетик Республики Татарстан.

Моше Талесник – один из детей еврейского партизанского отряда, закончил Московский университет и со своей семьей живет в Израиле. Принимает активное участие в жизни нашего Еврейского Государства.

Я закончила лечебный факультет Хабаровского медицинского института. По направлению Крайздраотдела работала врачом в Певеке, у Ледовитого океана. У нас с мужем Наумом Эренбургом там родился сын Владимир. По переводу работала в стационаре Хабаровского медицинского института, в глазном отделении, офтальмохирургом Высшей категории. Мой общий стаж работы - сорок восемь лет.

В 2001 году мы с семьей сына приехали в Израиль. Сын работает в Хайфском Технионе. Внук Илья закончил Хайфский Технион, факультет электроники. Моя дочь, Татьяна Д’Сильва (Эренбург), работает врачом в Тасмании, городе Хобарте (Австралия) в Королевском госпитале.

Моя внучка , Анна Красильщик, закончила университет в г. Мельбурне (Австралия), теперь в декретном отпуске. У меня двое правнуков.

Я прошу, по возможности, мои воспоминания о Холокосте внести в школьную программу начальных классов, пока у детей еще есть душевность и можно надеяться на развитие духовности, сострадания, любви к окружающему миру. К людям. Это поможет сохранить мир, здоровье, труд, красоту и счастье на земле. Творить науку, культуру, искусство. Сохранять книгу книг – Тору и все ценности, созданные нашими предками и не отдавать ни одного сантиметра нашей еврейской земли.

В июне месяце 2011г. Юлией Штрайм, заместителем мэра г. Хайфы и Григорием Пустыльником, председателем Союза малолетних узников Второй мировой войны, была организована замечательная встреча с тремя солдатами Армии Обороны Израиля. Две девушки и один юноша. Григорий предложил рассказать о некоторых случаях Холокоста. Наши гости очень внимательно слушали, чтобы запомнить. Я тоже

вспомнила свой случай. Всего на пять минут. Когда я увидела, что по щекам девушек текут слезы, я поняла, что мое воспоминание прошло сквозь их сердца. У меня было состояние стресса. Я успокоилась на улице, где вокруг цветущие кусты и деревья и, несмотря на свой 85-летний возраст и многое другое, решила написать о пережитом мною Холокосте для того, чтобы на Земле никогда не было войн.

Я верю в Б-га, потому что были такие ситуации, что только он мог помочь. Наша еврейская религия сумела сохранить свой народ и его традиции.

10.12.2011

г. Хайфа

№ 278663
ПАСПОРТ ВИДАН 24/71

ПОСВІДКА ПРО НАРОДЖЕННЯ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гр. *Чубарьцова*
Гр. *Борис*

Царьовна
10 декабря 1986 года
девятнадцатого

народился (лась) *10 декабря 1986 года* *девятнадцатого* *шестого года*
родился (лась) *девятнадцатого* *шестого года*
(прізвищу і шифру; рік, місяць і число—прізвищем і цифрами: год, місяць і число)

пре що в книзі записів актів громадянського стану про народження за 19... Р. у... числа... місяця...
зроблений відповідний запис за №... Г. Г. числа... місяця...
о чім в книзі записей актів громадянського стану про народження за 19... Р. Г. Г. числа... місяця...
проважена відповідуючий запис за №...

Батьки: Батько *Олександров* (прізвище) *Царь* (ім'я і по батькові) *Борис* (ім'я і по батькові) *Царь* (ім'я і по батькові)
Отець *Чубарьцова* (прізвище) *Тамара* (ім'я і по батькові) *Добльва* (ім'я і по батькові) *Борис* (ім'я і по батькові)
Мати *Царьовна* (прізвище) *Царь* (ім'я і по батькові) *Борис* (ім'я і по батькові) *Царь* (ім'я і по батькові)
Мать *Чубарьцова* (прізвище) *Тамара* (ім'я і по батькові) *Добльва* (ім'я і по батькові) *Борис* (ім'я і по батькові)

Місце народження дитини *м. Ільшину* (місто, район, селище) *Ільшину* (місто, район, селище)
Місце народження дитини *с. Ільшину* (місто, район, селище) *Ільшину* (місто, район, селище)
Місце народження дитини *с. Ільшину* (місто, район, селище) *Ільшину* (місто, район, селище)

Місце реєстрації *Ільшину* (місто, район, селище) *Ільшину* (місто, район, селище)
Місце реєстрації *Ільшину* (місто, район, селище) *Ільшину* (місто, район, селище)

Зав. бюро ЗАГС *Л. Шуркуз*
Зав. бюро ЗАГС *Л. Шуркуз*
Ділова Ділопронзводитель

М. П.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

ЕЧ № 109261

Гражданин Зренбург (фамилия,
имя и отчество)
Наум Мессровиц
год рождения 1928 г. 3 мая УССР
Львовская обл. г. Лубки
(место рождения)
и гражданка Кравцова Софиз
(фамилия,
имя и отчество)
Исаковна
год рождения 1926 г. 10 декабря
УССР Винницкая обл. местечко Швыльчи
(место рождения)
вступили в брак 10 июля 1951 г. пятая
девяност пятидесят первого года
(прописано в выданной записи)
(месяц и число)
о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1951 года 2 июля месяца 10 числа
произведена соответствующая запись за № 40

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу Зренбург жене Зренбург
что подписью и печатью свидетельствуется.

Место регистрации: Львовская
(наименование и

сельисполком
местонахождение бюро ЗАГС)

Дата выдачи, 10 июля 1951 г.

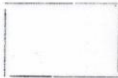
Семенов
ведущий бюро записей
гражданского состояния

УКРАЇНА

Виконавчий комітет Вінницької
обласної Ради народних депутатів
**ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
ВІННИЦЬКОЇ ОБЛАСТІ**

287100, м. Вінниця, вул. Леніна, 17
тел. 32-20-93
27.01.95, 05-21/2

№ _____
_____ № _____

АРХІВНА ДОВІДКА

УКРАЇНА

Исполнительный комитет Винницкого
областного Совета народных депутатов
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ**

287100, г. Винница, ул. Ленина, 17
тел. 32-20-93

Г 320079, м. Дніпропетровськ,
вул. Косіора, 53, кв. 54

Еренбург-Кравцовій Софії
Ісаківні

В документах Державного архіву Вінницької області, є
відомості про перебування в гетто с. Іллінці з липня 1941-по жов-
тень 1943 року, з жовтня 1943 року по березень 1944 року в партизансь-
кому загоні Кравцової Софії Ісаківни, 1926 року народження.

Підстава: Ф.Р-6022, оп. I, спр. 23, арк. 8

Директор держархіву

А.Г. Степаненко

Завідувачий відділом

В.М. Верховлюк

Семья моего мужа.
Родителей и сестру расстреляли нацисты.

Мой муж – Наум Меерович Эренбург

Наша семья. 1959г.

Наша семья. 1970г.

Отец. Исаак Давидович Кравцов. 1951г.

Пролетарі всіх країн, єднайтесь!

КОМУНІСТИЧНА ПАРТІЯ РАДЯНСЬКОГО СОЮЗУ
ВІННИЦЬКИЙ ОБКОМ КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ

м. Вінниця, вул. Леніна, 74

Тел. № 2-26-01

Пролетары всех стран, соединитесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ВІННИЦЬКИЙ ОБКОМ КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ

г. Винница, ул. Ленина, 74

№ 13/525

9 сентября 1976 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В списках участников подпольно-партизанского движения Винницкой области периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. числится КРАВЦОВ Исаак Давыдович, 1892 г. рождения, партизан полка им. Ленина П-й партизанской бригады с 5 октября 1943 г. по январь 1944 г., до расформирования.

Партийным архивом
Обкома Компартии Украины

Бордич — Ю. ЖУГИН

Мама. Рахилля Яковлевна Кравцова. 1951г.

Брат Аврам с женой Кларой. 1956г.

Брат Яков с женой Риммой. 1958г.

Сестра Лидия.

Памятник евреям, расстрелянным нацистами.
Ильинцы. 1992г.

Оглавление

Ильинцы	3
Первое знакомство	7
Страшнее злобных зверей	10
"Кто спасет одного, спасет весь мир"	13
Это были нелюди, изверги	15
Пусть будет земля ей пухом	16
Трагедия за трагедией	18
Как сквозь землю провалилась!	19
Красный флаг	22
Тетя Мария	25
О зиме	27
Староста	28
У полица	33
Безвыходное положение	38
Послесловие	41